

О ком плачет Вереск

Автор:

Ульяна Соболева

О ком плачет Вереск

Ульяна Павловна Соболева

Вереск #1

Он нашел меня. Самый страшный палач клана. Его боятся до смерти. В его руках безмерная власть, он безжалостен, жесток и опасен. Одно только имя вызывает ужас и желание стать на колени. Окруженный преданными убийцами Паук, которому никто и никогда не отказывал... Кроме меня. – Продолжайте церемонию, падре! Жених мертв, да здравствует жених! Шикарная замена! Поверьте! Содержит нецензурную брань.

Ульяна Соболева

О ком плачет Вереск

Пролог

2005 год

Он нашел меня. Самый страшный палач клана. Его боятся до смерти. В его руках безмерная власть, он безжалостен, жесток и опасен. Одно только имя вызывает ужас и желание стать на колени. Окруженный преданными убийцами Паук,

которому никто и никогда не отказывал... Кроме меня.

– Продолжайте церемонию, падре! Жених мертв, да здравствует жених! Шикарная замена! Поверьте!

Он насвистывает марш Мендельсона, а я зажимаю руками уши и смотрю в кровавую темноту. Я знаю, кто это... я знаю, за что... Тяжело дыша, чувствуя, как по щеке стекает струйка чужой крови, я отрицательно качаю головой и смотрю на этого дьявола, на это исчадие ада, на свой самый жуткий кошмар – Сальваторе ди Мартелли. Он направил дуло пистолета в висок падре Алехандро, и библия в руках священника несколько раз дрогнула. Тьма нашла меня. Паук долго полз по тонкой паутине и теперь загнал меня в самый угол, чтобы безжалостно сожрать, но вначале он сожрет все, что мне было дорого.

– Я сказал, продолжайте, или я вышибу вам мозги! И ваше упрямство будет приравняться к самоубийству, святой отец!

Только не смотреть вниз, не смотреть на пол, не оборачиваться назад. Пусть это будет страшный сон, пусть я сейчас открою глаза, и все исчезнет, а я снова буду стоять у зеркала в своем подвенечном платье и улыбаться. Наконец-то улыбаться. Потому что я свободна, потому что вырвалась из паутины и начала жить, потому что выхожу замуж за прекрасного мужчину, а весь кошмар остался позади. Надо отмотать все назад, куда-то на три или четыре часа. Туда, где я еще счастлива, Роман пьет вино из бокала, а его отец отстукивает палкой незамысловатую итальянскую мелодию. Они ведь не могут быть все мертвы. Не могут. И он...он не может стоять передо мной в своей черной одежде, похожий на саму смерть. Стоять в Храме, стоять там, где его духу быть не должно. Как я молилась, чтобы никогда больше не видеть этого человека, как тщательно пряталась, как надеялась, что больше никогда не посмотрю в его проклятые глаза. Надеялась, что он сдох! Что его мерзкая паутина захлестнулась на бычьей шее и задавила его самого.

– Пришли ли вы сюда добровольно и свободно хотите заключить супружеский союз?

Дрожащий голос и слова священника, как жуткая насмешка, как издевательство над самой святостью, над узами брака, над любовью... ведь он их произносит второй раз за сегодня. На моей руке все еще висит стола, запятнанная темно-

бурыми каплями. Только слова клятвы я не успела произнести...

- Нееееет! Нееееет! Прекратите! Замолчите!

У меня под ногами мертвые тела, на полу лежит мой жених и... он, скорее всего, тоже мертв. По моему подвенечному платью стекает его кровь. И мне страшно, мне жутко обернуться назад... потому что там теперь слишком тихо. Ни шороха, ни звука. Только где-то наверху зловеще играет органная музыка.

- Ее слова не имеют значения. Она со всем согласна. Поверьте. Я знаю.

- Готовы ли вы любить и уважать друг друга всю жизнь?

Громко всхлипывая, чувствуя, что задыхаюсь, с ненавистью и болью смотрю в жутко красивое лицо ди Мартелли и не верю, что он это сделал... не верю, что только что его люди и он сам расстреляли всю эту семью. Всех, кто виноват лишь в том, что приютили и полюбили меня, как родную. Только почему я все еще жива? Почему он не пристрелит и меня вместе с ними? Не растопчет Вереск?

- Никогда...никогда..., - шепотом, давясь слезами.

- Конечно, готовы. До гроба. До самой смерти.

Сальваторе, переступил через чье-то тело и приблизился ко мне. На извращенно чувственных губах играет издевательская усмешка. Когда-то мы дружили... когда-то его мачеха говорила комплименты моей матери, а отцы играли в покер. Когда-то он мне нравился... А потом не было никого в этом мире... никого, кому бы я желала самой жуткой и лютой смерти больше, чем Сальваторе ди Мартелли и всем, кто носит одинаковую с ним фамилию. Всем, кто залили кровью каждую секунду моего существования.

- Да, Юлия? - он всегда произносил мое имя на русский манер, издевательски нарочно подчеркивал то, как меня называли мои родные. - Я же говорил тебе, что это случится! Говорил, что ты принадлежишь мне! Ты - моя собственность.

– Лучше сдохнуть!

Проигнорировал этот вопль, продолжая рассматривать меня и трогать мои волосы.

– Ро-ман...серьезно? Почти Ромео! Как жаль, что он умер... но так будет с каждым, кто прикоснется к тебе. Каждым, кто посмеет думать, что может безнаказанно смотреть на то, что принадлежит мне.

«Что»... он всегда относился ко мне, как к чему-то, а не кому-то. Хуже, чем к скоту, отвратительней, чем к таракану. И я знаю, зачем он устроил это кровавое побоище и цирк с венчанием. С той секунды, как услышала его проклятый свист, пробивающийся сквозь органную музыку и заставивший меня закоченеть от ужаса.

Смуглые пальцы трогают мой дрожащий подбородок, и я крепко зажмуриваюсь, чтобы не видеть это жестокое лицо, не видеть эти циничные глаза с жуткой золотистой каймой вокруг почти черной радужки. Глаза, от которых кровь стынет в жилах. Они слишком жгучие, слишком жестокие, безжалостные. Не понимаю, как могла когда-то считать их красивыми. Мартелли всегда был тварью. Зверем и убийцей. Это у него в крови. У них у всех.

– Готовы ли вы с любовью принять от Бога детей и воспитать их согласно учению Христа и церкви?

Я скорее вырежу себе нутро, чем понесу от него!

– Еще как готовы, да, Вереск? Долеталась, допорхалась и попалась!

– Не называй так! – зашипела, вздрагивая от этого слова.

– Тебя забыл спросить.

Смотреть в его лицо, чтобы запомнить каждую черточку, каждую линию, чтобы никогда не забыть ни одно его слово. Я скажу их...скажу, когда буду его убивать.

– Что там надо говорить дальше, падре? Давайте, не молчите! Меня раздражает медлительность!

Как жутко звучит этот приговор, как страшно и необратимо.

– Я, Сальваторе ди Мартелли, беру тебя, Юлия, – он намеренно не произносит мою фамилию, по правилам Коза Ностры она уже давно вне закона. Моя семья стерта с лица земли, и сделали это они. Проклятые Мартелли, – в жены и обещаю, – оскалился с пренебрежением, давая понять, что все эти клятвы – шелуха, – хранить верность в счастье и в несчастье, в здравии и болезни, а также любить и уважать тебя все дни жизни моей.

Нет, я не стану произносить это, не стану давать клятвы, мне ненавистен каждый его жест, каждое слово. Никакой верности... только ненависть, только жажда смерти.

– Повторила! – ткнул дуло мне в плечо. – Давай! Ты же хорошая девочка? Выучила клятвы?

– Чтоб ты сгорел!

– Это не те слова. Ты перепутала. Давай еще раз. – и улыбается. Умопомрачительная и в то же время гадская улыбка. Ненавижууууу!

– Я сказал – повторяй! Не то в голове падре Алехандро появится маленькая, круглая дырочка! И все будет на твоей совести, Юля. Как и смерть всех этих несчастных.

– Ради бога, Джули, повтори...

Священник с мольбой смотрит мне в глаза. Он хочет жить. И я хочу... очень хочу. Но не так. Не в рабстве. Не в клетке. Раздается выстрел, и я закричала, закрыла глаза, а когда открыла, увидела бледное лицо священника и раскрошенный в щепки алтарь. И я повторила...повторила, так как чужая жизнь священна. Из-за меня столько людей погибло.

Таинство дьявольского брака с самим Пауком свершилось? Или это меня только что похоронили и отпели?

– Венчание произошло пред Христом и пред общиной Церкви. – дрожащим голосом продолжил падре. – Что Бог сочетал, того человек да не разлучает. И заключённый вами супружеский союз я подтверждаю и благословляю властью Вселенской Церкви во имя Отца, и Сына, и Святого Духа. Какие имена вписать... в свидетельство? У меня здесь указано...

– Аминь. – радостно кивнул Сальваторе, оборвав священника, и швырнул ему столу. Затем повернулся ко мне и насильно схватил за руку, больно выгибая пальцы, сжатые в кулак. – Я не готовился к этой церемонии, так что вместо кольца поносишь веревку.

И завязал на моем пальце бечёвку крепким узлом. Потом протянул кусок веревки мне.

– Завязывай.

Затянула так крепко, как могла, чтоб причинить ему боль, но он даже не моргнул, продолжая сверлить меня своим тяжелым, дьявольским взглядом. Затем подошел к отцу Алехандро, что-то тихо сказал и забрал из его рук свидетельство, сунул за пазуху в карман.

– Вот и все, сладкая. Поехали домой. Отмечать и трахаться.

Глава 1

Сицилия. Палермо... 1995 год.

Любовь нежна? Она груба и зла. И колется, и жжется, как терновник

(с) Шекспир. Ромео и Джульетта

Сквозь время, сквозь грани реальности

В вечных сумерках, в темноте

Без понятий о мерах нормальности

Бесполезных надежд пустоте

Через пропасть и расстояния

Босиком по стеклу, к мечте

Очень тонкой, невидимой ниточкой

Пришиваю себя к тебе....

Ульяна Соболева

- Юлия, у нас гости.

– Я сейчас спущусь, пап! Пару минут! Ма меня причесывает! – крикнула по-русски и с удовольствием посмотрела в зеркало. Ма, МамИ, МамИтта – пухлая черная гувернантка, я знала ее с рождения и не помнила себя без нее. Только Ма умела варить вкусную манную кашу и заплетать мне «колоски». Мами шила кукол, вязала зайцев и жила с нами. Мы все ее очень любили. За Ма я могла поколотить кого угодно и даже выцарапать глаза. Она самая любимая, и меня обожает. Нет, не за папины деньги, не потому что ей больше негде жить. А любит, потому что любит, и все. Она приехала в Италию вместе с родителями из Бруклина много лет назад. Мне никто не рассказывает, откуда Ма появилась, но на ее руках, ногах и спине есть бежевые шрамы. Она их прячет, но я все равно видела. Кто-то ее очень сильно обижал. Когда мы молимся по воскресеньям, Ма всегда благодарит мою маму и называет ее ангелом. И еще она говорит, что когда-то мои родители жили в другой стране... а потом сбежали оттуда в Америку. В той стране папу держали в тюрьме, и в той стране умерли мои сестра и брат от какой-то ужасной болезни. Но это секрет, и, если я расскажу кому-то, родители очень обидятся на Ма.

– Дон Альфонсо приехал с женой и сыновьями!

– Вернулись из Нью-Йорка? И сразу к тебе? Какая честь!

В голосе мамы недовольные нотки, и я начинаю прислушиваться.

– Вернулись. Не забывай, кто такой дон Альфонсо и насколько я дорожу нашей дружбой. Давай, подгони Анну, пусть накрывает на стол.

– Я знаю, кто он такой, Миша. И именно потому что я это знаю... мне бы не хотелось такой тесной дружбы.

– Эта дружба залог всего для нас. И я больше не намерен обсуждать это с тобой.

– Знай свое место, женщина?

– Надя! – в голосе отца металлические нотки.

– Любимые блинчики Альфонсо с красной икрой уже готовы.

– Вот и чудненько, и позаботься, чтоб дети нам не мешали, когда мы уйдем в кабинет.

Понятно, маме этот Альфонсо не нравится, а у папы с ним какие-то дела, и этот Альфонсо важная шишка. Отец сказал, он с сыновьями? Интересно, папа действительно думает, что я стану развлекать каких-то мальчишек? Словно в ответ на мои мысли отец заглянул в мою комнату:

– Юлия! – строго сказал он. – Ты вторая хозяйка дома. Будь гостеприимной и без своих выкрутасов! Поняла?!

Когда отец ушел, я посмотрела через зеркало на Ма.

– Противные ди Мартелли! Как я их терпеть не могу!

– Вы их ни разу не видели!

– Из-за них мне нельзя играть на заднем дворе! Пусть катятся в свою Америку!

– Маленькой синьорите не пристало так себя вести! Гости отца – это святое. Вот если бы я своему отцу так сказала...

– Он бы отшлепал тебя по заднице?

Представила себе, как колыхается зад толстухи Ма, и засмеялась.

– Верно! Жаль, ваш этого не делает!

Я фыркнула и тут же ойкнула, когда Ма потуже затянула колоски, вплела в них ленты.

– Чудные у вас волосы. Похожи на свежий мед и пахнут мятой. Мой отец говорил, что нет ничего красивее цвета пчелиных сот. А мой отец знал толк в настоящей красоте, уж поверьте.

– Маааа! Ну хватит! Я не маленькая! Расплети эти ужасные косы!

- Нельзя ходить патлатой!

- Не патлатой! Обрезать их надо! Ненавижу расчесываться! Вот у Даны Торичелли «карэ»! И ей очень идет!

- Вот еще! Синьор Микель обожает ваши волосы!

- А я ненавижу!

Я стащила ленты и тряхнула волосами, которые доставали мне ниже ягодиц. Непослушные, буйные, вечно спутанные коричнево-рыжие космы.

- Дайте соберу сзади заколкой. Да стойте же вы! Что за упрямая девчонка!

- И я надену штаны!

- Ни за что! Только платье!

- Штаны!

- Я сказала, платье, или никакого шоколадного крема с остатков на кухне!

Надула губы. А Ма надула свои в ответ и уперла руки в толстые бока. Полосатый фартук грозно вздулся на огромной груди, и вышитая на нем желтая рожица теперь выглядела не улыбающейся, а злой. Это означало, что спорить бесполезно. Я тяжело вздохнула.

- Ладно. Но без всяких там рюшек.

К столу я спустилась в ужасном настроении. Меня раздражали воланы на розовой юбке, бесили белые носки и туфли с атласными бантиками. И мне совершенно не хотелось развлекать детей какого-то гостя отца. Гостя, из-за которого дом драили по всем углам несколько суток подряд, готовили дня два, зарезали трех кур и запретили мне ходить в конюшню к Смелому.

Сам Альфонсо мне показался страшным и очень носатым, из-за густой седой бороды я видела только его мясистые губы, а хищные желтоватые глаза то и дело сверкали неприятным огнем. А его жена выглядела вычурно красивой, как с обложки журналов. Ее курчавые каштановые волосы пахли какими-то немислимыми духами, а длинные ресницы то и дело хлопали, как два огромных веера. Странно, как она может быть мамой двух взрослых мальчиков подростков. Потом мне стало известно, что это их мачеха и по совместительству пятая жена ди Мартелли старшего. Первая жена Альфонсо – мать обоих сыновей, умерла пять лет назад от острой пневмонии, а остальные менялись раз в год. Но сами дети Мартелли и были моим дичайшим разочарованием. Увидела их из окна и сложила руки на груди в знак протеста. Какого черта мне с ними делать? Я ожидала, что они будут маленькими. Я смогу командовать и придумывать для нас игры, но самому младшему оказалось двенадцать, а старшему пятнадцать. Они не сели за стол, а бродили где-то по двору, и отец отправил меня к ним.

– Давай, Юлия, иди к мальчикам. Покажи им дикий сад и фонтаны, а мы пока поболтаем о всяком взрослом. Иди. Погуляй.

Хотела возразить, что собираюсь вначале поесть, но отец так на меня посмотрел, что мне пришлось прикусить язык. Нехотя спустилась по ступеням вниз. Куда могли пойти эти мальчишки? Лучше бы я сидела в своей комнате и читала.

Я увидела их возле ограды. Точнее, за ней. Там, где небольшие ворота вели в отцовский заповедник. Они оба наклонились и что-то рассматривали в высокой траве. Я видела лишь курчавые чернявые головы и спины.

– Я говорил, не лазить за ворота! Отец надерет тебе уши, Сальва!

Мальчишки говорили по-итальянски.

– Он сдохнет, если не раскрыть капкан!

– А если ты к нему полезешь, он тебе руку откусит! Идем отсюда! Закроем ворота, и никто не узнает!

– Ссыкло! Накинь на него свой свитер, Марко, держи сзади за шкурку, а я вытащу лапу.

Я старалась не шуметь, мне очень хотелось увидеть, что они там делают, но случайно наступила на ветку. Неудачница! Раздался хруст, и один из братьев обернулся ко мне, а второй продолжил с чем-то возиться. Это «что-то» скулило и рычало.

– Сальва! Мы не одни!

Второй брат поднял голову, и я тихонько вздрогнула. До этого момента мальчики меня интересовали лишь тогда, когда возникала необходимость с ними общаться. Я мало задумывалась об их существовании и самым красивым из мужчин считала своего отца. Ровно до этого самого момента. Момента, когда все во мне вдруг скукожилось и начало казаться убогим, жалким, безвкусным. Начиная с рыжеватых волос и заканчивая дурацкими белыми носками.

– Что стала, как столб?

Черные глаза мальчишки постарше сверкнули и вцепились в меня презрительным взглядом, а внутри моего живота зарождалось что-то особенно острое, что-то, заставляющее молчать и просто смотреть, проглотив язык и забыв все слова по-итальянски. Так болит вверху под самыми ребрами, когда очень хочется есть, и с кухни доносится аромат хрустящих булочек. Только сейчас все скручивает намного сильнее, и я не такая уж и голодная. Он встал в полный рост и показался мне очень высоким и большим. С длинными руками и мускулистыми длинными ногами. Невероятно сильным. Да, именно это слово вертелось на языке при взгляде на парня. И я рядом с ним, как козявка. Маленькая, тусклая и совершенно невзрачная. В пуп дышу, как говорит Ма.

– Давай вали отсюда, малая!

– Куда валить? Это мой дом! – огрызнулась и приготовилась обороняться. Не хватало, чтоб эти мерзкие ди Мартелли меня гнали с моей же земли.

– В дом и вали!

– Это дочка Микеле.

– Та по фиг. Смотрит стоит, рот разинула.

Внизу опять что-то заскулило, и я увидела серое барахтающееся существо.

– Кто там у вас?

– Волчонок. Попался в капкан. Это твой отец капканов наставил? – спросил младший Мартелли.

– Не знаю.

– Откуда ты приехала? С медвежьей страны? Во что там твои играют? В куклы? В матрешки? Давай! Иди поиграй, шмакодявка! Не мешай нам! Брысь!

– Это ты так решил? Я терпеть не могу кукол. Так что заткнись и говори, что надо сделать!

– В дом иди. Поможет она. Сопли вначале подотри. Пищит здесь. Мелочь пузатая!

Не знаю, что было обидней «мелочь» или «пузатая», но меня от злости затрясло.

– Мне десять. Может, я и выгляжу младше, но уже в конце лета мне исполнится одиннадцать! И вообще, я могу тебя поколотить, верзила долговязый!

Я сложила руки в кулаки и стала в стойку, как меня учил Людвиг на уроках самообороны. Верзила оскорбительно заржал, и мне ужасно захотелось пнуть его по сахарной косточке. Чуть позже... я узнаю, что у него есть кличка – Паук. Из-за длинных ног и рук.

– Попробуй, если допрыгнешь, только лапки свои не сломай.

– Сальва, пусть поможет. Пусть инструмент принесет какой-нибудь.

- Да она сейчас побежит папочке своему стучать.

- Не побегу. Какой инструмент нужен?

Взгляд огромных черных глаз с золотистой поволокой изменился с презрительного на заинтересованный.

- Клещи принеси или палку найди какую-то. Желательно покрепче. Можно железную. А еще лучше - потеряйся по дороге.

- Придурок, - буркнула себе под нос.

Я нашла садовые ножницы. Старший Мартелли возился с капканом очень долго. Он весь вспотел и даже стянул через голову светло-бежевый свитер, который ткнул мне в руки, а я невольно принялась и ощутила легкое головокружение от запаха цитрусов и едва уловимого аромата табака. Во все глаза смотрела, как бугрятся мышцы на широкой спине мальчишки, как курчавятся волосы на затылке. От него пахло терпким потом, взрослым мужчиной, несло за версту какой-то первобытной, агрессивной силой, и я ощущала ее всем своим существом. Как и опасность, исходящую от этого мальчишки.

- Ни черта не открывается. Я сверну ему шею, и мучения кончатся! Все равно сдохнет здесь!

Я ни на секунду не усомнилась, что он именно так и сделает. Его глаза такие жестокие, колючие, наглые. И в то же время такие красивые...бархатные.

- Не надо! - закричала я. - Не надо! Мы вытащим его! Смотри, замок уже почти поддался, а ты сильный, у тебя получится.

Когда сказала, что он сильный, черные глаза заблестели, и в углу губ появилась самодовольная усмешка.

- А дальше что? Это не щенок! Это волчонок!

– Я его спрячу и попробую выходить. Не убивай его! Пожалуйста!

Мальчишка бросил на меня мрачный взгляд и продолжил пытаться вскрыть капкан.

– Только не ной мне тут.

– Пожалууууста... он такой маленький.

– Не бубни под руку, малая.

И наконец-то у него получилось. От радости я всхлипнула, а младший Мартелли смачно выругался и с восхищением посмотрел на брата. Рядом с ним Марко казался очень худым и хилым. На лицо похожи и в то же время очень разные.

– Охренеть, Сальва! Вот это силища!

Волчонка мы отнесли на задний двор, я спрятала его за конюшней в старую будку лайки Лаймы. Отец давно привез просторный вольер, а там она жила, пока шел ремонт в доме. Год назад Лайма умерла от старости, и мы больше не брали собак. Я бы не отказалась, но папа не хотел, чтобы мама снова плакала. Все мои просьбы взять собаку оканчивались отказами.

– Тебя как зовут? – спросил верзила и дунул на непослушную курчавую челку, закрывшую пол-лица из-за порыва ветра. Его смуглая кожа казалась бронзовой, а глаза неестественно большими, нарисованными углем, как и широкие брови. Нос с крутой горбинкой портил аккуратные черты, а очень полные сочные губы скорее бы подошли девчонке, как и длинные, сильно закрученные кверху ресницы. Лицо грубое и в то же время по южному знойное, красивое. На скулах пробивается юношеский пушок. Он поразил меня...поразил настолько, что после их отъезда я не могла уснуть всю ночь. Я не знала, что со мной творится и как это называется... Как и не знала тогда – кто такой Альфонсо ди Мартелли... и кто такой мой отец. Мне еще было неизвестно страшное слово мафия. Я была просто маленькой девочкой, которая впервые влюбилась, даже еще не понимая значения этого слова. Но она сильно об этом пожалеет...

– Юлия... ой, Джули. Джульетта.

Как дура запнулась три раза. Впрочем, он не будет меня называть ни одним из них.

- Меня - Сальваторе. А это мой брат - Марко.

- Детиинии! Вы где? Барбекю уже давно готово!

- Давай, малая, пошли. И не болтай. Не то застрелят его. Поняла?

Я кивнула, с трудом глотнув раскаленный воздух, когда Сальваторе остановился напротив меня и посмотрел мне прямо в глаза, выдохнуть я уже не смогла.

- Я терпеть не могу стукачей! Проболтаешься - голову откручу!

- Я не стукач!

- Посмотрим, кто ты. Время покажет, Вереск.

- Кто?

- Ты - Вереск. Глаза у тебя вересковые. Никогда таких не видел.

- Все говорят, что они красивые, между прочим, - дерзко заявила я.

А он подумал и издевательски усмехнулся.

- Тебя обманули - они страшные. Как у мутанта.

Сволочь! Сам ты страшный мутант!

Глава 2

Италия. Сан-Биаджо

200 год

Я воплощенье ненавистной силы.

Некстати по незнанию полюбила?

Что могут обещать мне времена,

Когда врагом я так увлечена?

(с) Шекспир. Ромео и Джульетта

Вакханалия необратимости,

Разум с сердцем рулетку крутит.

Рвется тонкая нить к одержимости.

Правда в голову всех рассудит.

(с) Ульяна Соболева

Он сидел за столом напротив, прокручивая четки темными, сильными пальцами и высокомерно попивая вино. В расстегнутом черном пиджаке и такой же черной рубашке. Мне видна его мощная волосатая грудь с резко выделяющимися кубиками пресса и массивная золотая цепь с крестом на бычьей шее. Изменился за это время. Возмужал. На скулах густая щетина. Если бы моя ненависть не сжирала меня, не испепеляла все мое существо болью, я бы с яростью рыдала о его красоте, потому что это адская насмешка, издевательство и кощунство дать такую внешность подобной твари. И если человек может вообразить самые мерзкие пороки, на какие способны лишь исчадия ада, то все они здесь. В нем. Под его грудной клеткой прямо в гнилом сердце. Я знала о нем все. Знала так много, что уже только ради этого стоило убить. Паук любил рассказывать мне раньше... исповедоваться перед своей жертвой о своих грехах, положив голову ей на колени, а уже через несколько часов вытирать об нее ноги, как о вонючую тряпку. Иногда мне казалось, что он зависим от своей лютой ненависти ко мне, и она его подпитывает.

Наивная дура... решила, что если прошло столько времени, то Паук уже меня не найдет. Позволила себе снова начать жить... позволила любить себя и надеяться стать снова счастливой. Стать кем-то... но не Вереском.

Паук смотрел изредка мрачным, тяжелым взглядом. Пиршество по случаю нашего венчания окончилось, и многие гости разъехались по домам, а некоторые все еще сидели за столом и упивались вином, хватали руками многочисленные десерты, мясо и сыры. Такие же животные, только более примитивные. Его шакалы. Я так и видела на их мордах плотоядный оскал. Скажет им «фас», и они разорвут любого, чтобы раболепно положить к носкам его ботинок куски мяса.

Это была пытка – сидеть здесь, пытка – слышать музыку, видеть веселье, пьяные лица. Мне хотелось заорать, чтобы они прекратили! Это жуткий день! Такой же жуткий, как и несколько лет назад... когда ди Мартелли уничтожили всю мою семью, а меня...меня заперли в клетке и убивали изо дня в день. Он убивал. Как вампир, выкачивал мою кровь и заставлял расплачиваться день за днем, месяц за месяцем за грехи моего отца.

Я ни к чему не притронулась, так и смотрела в тарелку застывшим взглядом, пока не почувствовала, как меня рывком подняли на ноги.

– Я сказал, пошли в спальню! Ты глухая?

Он пьян, и его огромные глаза с тяжелыми большими веками жадно смотрят на меня, вызывая ужас и отвращение. Нет ничего страшнее мрачной и черной похоти в его глазах.

– Я еще не поела.

– Ужин окончен. – и вдруг наклонился к моему лицу. – Я хочу, чтоб ты меня поцеловала. Я забыл вкус твоих губ.

От неожиданности судорожно сглотнула.

– А я хочу, чтоб ты сдох прямо сейчас.

Кривая усмешка, одним движением выхватил пистолет из-за пояса и тут же приставил к голове проходящего мимо официанта. От неожиданности я со свистом втянула воздух.

– Фейерверк из мозгов в твою честь, Вереск. Ты знаешь, какого они цвета? Хочешь увидеть прямо сейчас? Они нежно-розовые... иногда серые... давай посмотрим вместе? Тебе разве не интересно?

Официант тихо молится по-итальянски. Он молоденький. Ему едва можно дать двадцать.

– О Господин, спаси, господин, не надо!

Я бросила взгляд на дрожащего мальчишку и снова посмотрела на Мартелли.

– Он младше Марко... зачем? Не трогай мальчика!

– Мы оба знаем, что его возраст не имеет значения. Поцелуй за жизнь. Такая мелочь.

– Конечно, ты ведь привык все покупать. Что есть человеческая жизнь, если Сальваторе ди Мартелли хочет развлечься!

– Ооо, ты назвала мое имя. Давай. Повтори его еще раз. Мне нравится, как ты его говоришь. Я дьявольски соскучился по нему твоим голосом, Вереск!

– Вереск давно умерла!

– Разве я не дьявол из Палермо? Я ее воскресил. Для себя. И, нет, сладкая, это ты покупаешь. Его жизнь. Плати. Не люблю ждать.

Наклонилась и коснулась губами его губ, вздрагивая всем телом, ощущая едкую волну протеста вместе с каким-то оглушительным и ненавистным наслаждением. И вдруг почувствовала, как он вцепился пальцами в мои волосы, отрывая от себя и не давая поцеловать. Такой же непредсказуемый психопат, как и всегда. Ждешь одного, а получаешь настолько противоположное, что от шока еще долго резонансом дрожит все тело.

– А он... твой Ромео целовал тебя? Отвечай, целовал? Как он это делал – с языком или без? Он лизал твое небо, как я?

В глазах дикий блеск, внушающий ужас. Когда у Сальваторе отказывали тормоза, он становился неизменно опасен. И я знала эти моменты. За все годы моего жуткого заточения я изучила их.

– Господин!

– Не трогай его. Тебе ведь нужна была я? Ты нашел и получил меня. Зачем еще кого-то терзать и мучить?

– Пошел вон! – а сам перехватил мою шею и легонько сдавил. – Вееерно, малая, чертовски верно. Зачем мне кто-то? Я буду терзать и мучить тебя. Так, как он целовал тебя? Покажи мне как!

Официант, не прекращая молиться, выскочил из зала, а Мартелли приставил пистолет к моему лбу.

– Показывай! Не бойся!

Звучит смешно, учитывая, что дуло упирается мне между глаз.

- С тобой все равно никогда не будет, как с ним!

- Твааарь! Что ты дала ему с собой делать? Отвечай! Что позволила? Сосала у него? А? Сосала? Отвечай!

Стало страшно. До судорог, до боли в суставах.

- Трахал тебя? - легко шлепнул по щеке заставляя смотреть на него. -
Спрашиваю, трахал?

- Нет...

Отрицательно качнула головой и почувствовала, как он убирает волосы с моего лица пистолетом. Зажмурилась, чтобы не встретиться с ним взглядом.

- Лжешь. Трахал. Знаю, что трахал. Открой глаза и смотри на меня. Смотри, бл*дь, на меня, я сказал!

Медленно приоткрыла, глотая раскаленный воздух.

- Молишься?

Кивнула, содрогаясь от ледяных прикосновений металла.

- О чем молишься?

- Я очень хочу...чтоб ты умер. Прямо сейчас.

Привычная гадская ухмылка. Ненавистная, мерзкая. Только в глазах вспыхнула золотая смерть. Как будто я только что вбила лезвие ножа ему под ребра.

- Плохо молишься, Вереск, твой Бог не слышит тебя. Он глухой. Ты слишком тихо пицишь. Ты ему на хер не нужна. Никому не нужна, кроме меня! И запомни, - наклонился ко мне, - я не умру один. Я заберу тебя с собой. Другому никогда не достанешься. Ты - моя.

- Больной ублюдок! Какой же ты больной...!

- Замолчи... или я поступлю с тобой очень плохо. Так плохо, как никогда не поступал.

- Неужели, а это? Что может быть хуже этого?!

Нервно дернула вверх рукава свадебного платья, тыкая ему в лицо круглыми шрамами на сгибах рук. Он поморщился, как будто это зрелище причинило ему боль. Но я бы никогда не поверила, что этот зверь умеет ее испытывать.

- Так было надо. Хватит болтать. Раздевайся! Я хочу свою награду за все эти долбаные годы поисков. Ты начнешь возвращать мне долги прямо сейчас!

Стянул с себя пиджак и швырнул на пол, принялся расстегивать рубашку одной рукой, другой все еще сжимал пистолет. Сделал несколько шагов ко мне.

- Не подходи! Не смей! Не приближайся!

- А как же брачная ночь, Вереск? Аааа? Как же секс, о котором ты мечтала? Сегодня ночью твой мудака должен был тебя драть до самого утра, лить в тебя свою сперму...

- Он, а не ты! Он!

- Ничего, я побуду на его месте, и ты поорешь для меня. Поорешь так, что он услышит тебя даже на том свете.

- Ты - омерзительное чудовище, и с тобой можно орать только от ужаса! Меня всегда от тебя тошнило!

Мне нравилось это говорить, нравилось заставлять его бледнеть от ярости. Если бы могла, я бы сдавила его проклятое сердце и выдрала у него из груди. Что угодно, лишь бы причинить ему боль.

- Лжешь! Сука! - приподнял в воздухе и резко опрокинул на стол.

Схватила его руку и прижала дуло пистолета к груди.

– Лучше спусти курок. Ты ведь все уже получил. Все активы моего отца, бумаги, земли.

Ткнул дулом мне в горло, опрокидывая на белую скатерть и наклоняясь ко мне. Вьющиеся иссиня-черные волосы упали ему на лоб, на какие-то мгновения возвращая этому жестокому лицу былые юношеские черты. Черты, которые я когда-то любила...

– Я возьму тебя... и, если на скатерти не останется твоей крови, я размозжу тебе череп!

– Сделай это сейчас! Потому что ее там не окажется!

– Ммммм! – взвыл и вдавил дуло в горло так сильно, что я закашлялась. Второй рукой разодрал тонкий шелк на груди. Дешевенькая материя разлезлась на части до самого пояса. – Не окажется – значит я трахну свою жену-шлюху перед смертью и стану вдовцом!

Глава 3

Сицилия. Палермо 1997 год

Воспламенившееся море слез,

Раздумье – необдуманности ради,

Смешенье яда и противоядья.

(с) Шекспир. Ромео и Джульетта

С тобой душой и вздохом каждым

Часы, минуты и мгновенья

Взлетев над пропастью однажды,

Рискуя, но без сожаления

Твоя, пусть все ужасно сложно

Болезненно так откровенно

Но отказаться невозможно

Ты мой, во мне, течёшь по венам

© Ульяна Соболева

- Это ваш цвет, синьорита. Только лиловый. Только он. Под ваши глаза.

- Лучше б они были синие, как у мамы, или зеленые... а то и карие, как у тебя!

- Дуреха. Ох, уж эти вересковые глаза. Поплачет кто-то от вашей прелести, юная сердцеедка, ох, поплачет. Попомните мое слово. Старая Ма знает, что говорит.

- Лгунья!

- Пыф! Еще чего! Мама никогда никому не льстит!

Мои глаза имели необычный цвет. Они были лиловыми. Вначале думали, что это младенческий оттенок, потом испугались, что я слепая, но врач сказал, что у трех процентов населения земли есть разные оттенки фиолетовой радужки. Моя напоминала цветом вереск. Его было здесь много, особенно на Холме Эрика. Меня этот цвет не радовал, потому что люди всегда пытались меня рассмотреть поближе. А бывало и тыкали пальцами. Конечно, мой отец мог эти пальцы поотрезать, как и дядя Влади, но повышенного интереса это не поубавило бы. Люди любят рассматривать и удивляться чему-то необычному, а иногда и бояться. Когда со мной встречались взглядом где-то в центре города – могли осенить себя крестным знаменем и перейти на другую сторону улицы.

- У этой девочки странные глаза. Она ведьма?

- Не знаю. Может, она больная.

На утренней мессе всегда хорошо слышно, о чем многие шепчутся, но еще лучше было слышно, как эта «врач» потом голосила, когда села своей пышной задницей на гвоздь. Пусть теперь едет в травмпункт за диагнозами.

Мама нарядила меня в атласное платье, которое сшили на заказ до грандиозного приема в доме Мартелли. Оно сидело как влитое, имело пышный низ с воланами и кружевным подъюбником и узкий верх, а декольте-лодочка чуть приоткрывало плечи. Выточки подчеркивали едва появившуюся грудь.

Мне исполнилось пятнадцать, у моих сверстниц за пазухой водились теннисные мячи, а у меня едва вылезли две горошинки. Но я и им была рада. Хоть что-то. Надоело быть прямой, как доска.

- Сиськии, вы где? – заглядывала по утрам под майку и вместо них разочарованно отвечала, – Никого нет дома.

- Волосы заплетать?

– Уложи красиво, Ма.

– Красиво?

Ее черные брови-запятыя удивленно поползли вверх.

– Это для кого так старается синьорита? Уж не для этого ли вредного мальчишки?

– Какого такого мальчишки?

Пряча улыбку и поправляя декольте.

– Ди Мартелли старшего! Кого ж еще? Вряд ли вы бы так расстарались для его тщедушного братца!

– Еще чего! Для Паука?! Он долговязый верзила, и он мне совершенно не нравится.

– Конечно, не нравится. Именно поэтому вы тут прихорашиваетесь и просите уложить вам волосы в спиральки, и я должна посвятить этому несколько часов моей жизни.

Ворчала Ма. Но все же укладывала мои длинные космы в спиралевидные локоны. Украдкой от всех я подкрасила маминой тушью ресницы и нанесла немного блеска на губы. Да, я прихорашивалась для него. Для мерзкого Паука, которого видела последний раз почти четыре года назад. Потом он уехал учиться в США... Но до своего отъезда часто приезжал ко мне, проведать Смерча. Того самого волчонка, которого мы спасли.

Если бы отец узнал о том, что зверь продолжает приходить, то организовал бы отстрел. Я выпустила Смерча, когда он начал задирать кур, а потом загрыз ягненка, и управляющий пригрозил зарубить его топором. Но волчонок не прекратил свои набеги. Приходил меня проведать и обязательно «следил» в курятнике. Отец собирался устроить облаву и застрелить Смерча, и мне стало страшно, что он найдет и убьет его.

Мы отвезли его в лес вместе. Я и Сальва. Четыре года назад. Верзила приехал ночью на отцовском внедорожнике и ждал меня за забором со стороны заповедника. Это была наша первая встреча без Марко. Он тогда слег с какой-то болезнью.

- Ты чего там возишься, малая? Давай перелезь!

Легко сказать, когда в тебе метр пятьдесят роста, а ограда два метра. Кое-как я забралась наверх, цепляясь за ветки виноградника, а спрыгнуть не могла. Так и топталась наверху, глядя на задранное ко мне лицо Паука.

- Прыгай!

- Я высоты боюсь!

- Я поймаю!

- А если нет?! Может, ты косоглазый и криворукий!

- Сейчас залезу наверх и сброшу тебя оттуда.

- Только попробуй!

- Прыгай, я сказал! Или ты трусливая девчонка, Вереск?

Он называл меня так с нашей самой первой встречи... и я привыкла. Мне даже нравилось. Чувствовать себя особенной для него. Самого крутого мальчишки в Палермо. Самого заносчивого, драчливого и жестокого. Мальчишки, по которому сохли все девчонки в округе. Это же сам Сальваторе ди Мартелли, у него черный «Порш», кожаная косуха, металл на шее, руках и в ухе. Всегда сбиты костяшки пальцев, за поясом нож и где-то в тачке спрятан ствол. С ним никто и никогда не связывается. Он сын капо*1 Альфонсо ди Мартелли. Его боятся все... только не я. Потому что Паук мой друг. Он и Марко Поло – его брат. По крайней мере я так считала.

Зажмурилась и прыгнула. Горячие, большие руки подхватили под мышки и на какие-то доли секунд я прижалась всем телом к его груди. Уловила аромат

лайма, сигаретного дыма и запах его кожи. Слегка закружилась голова, и я подняла на него удивленный взгляд. Какие чудесные глаза вблизи, и эта желтая кайма, как золотой ободок. Захотелось тронуть кончики его бархатных ресниц.

- Что такое? У меня прыщ на носу?

- Два! Один на самом кончике!

- Лгунья! Пошли. Надо найти этого оболтуса, засунуть в машину и вывезти отсюда на хрен, а то твой папаша из него чучело сделает.

- А тебе его жалко?

- Я что зря его из капкана вытягивал и таскал из мясной лавки кости и свиные ноги?

- Просто ты...хороший и любишь животных.

Сальва вдруг схватил меня за плечо и сильно сдавил.

- Я не хороший, Вереск. Запомни хорошенько и заруби на своем курносом носу - я зверь. Если буду голоден, сожру и глазом не моргну. Живьем.

- Даже меня?

- Даже тебя. Если станешь поперек дороги!

Черно-золотые глаза стали злыми и холодными.

- Но мы же друзья!

- Ты заблуждаешься - у меня нет друзей. Пошли.

И он говорил правду, зря я тогда ему не поверила.

Смерч пришел к нам не сразу, пришлось подождать, а потом долго заманивать его в машину кусочками сырой говядины. Когда Сальва гнал его в лес, я редела... потому что волк не хотел уходить, Паук швырял в него камни и даже грозился зарезать. Тыкал в его сторону ножом, а волк смотрел грустными глазами с упреком и рвал мне сердце. Когда мальчишка все же попал ему камнем в бок, Смерч убежал, оглядываясь с таким разочарованием и тоской, что я разрыдалась.

- Ты - дура? Чего реवेशь? Ему там нормально будет. Пару себе найдет, братанами обзаведется, мелких серых блохастиков нашлапает, а так станет шкуркой у тебя под ногами в прихожей.

Улыбнулась сквозь слезы.

- Он не хотел уходить... Может, надо было по-другому. Спрятать его еще где-то... а не вот так.

- Никто не хочет уходить оттуда, где сытно и тепло. Но приходится. Он большой парень. Выживет.

Неожиданно провел ладонью по моим волосам и вытер слезу. Золотая кайма стала ярче, насыщенней, и глаза внутри уже не казались такими темными.

- Все. Развела тут сырость. Нос красный и распухший, как у алкашки.

- Сам ты алкаш, - а потом с аккуратным любопытством спросила, - А...твоя гитара с тобой?

- Вот же ж сука! Марко...гаденыш!

- Сыграй мне, пожалуйста... Я очень хочу послушать.

Думала, откажет, пошлет меня к черту, но он открыл багажник, достал гитару в кожаном футляре, забрался на машину, поставил одну ногу на капот, а вторую в массивном ботинке спустил вниз.

Как красиво и любовно он держал инструмент. Зажимал пальцами струны, и она исторгала медленную, рвущую душу мелодию... а потом я услышала тихий, бархатный, грубоватый голос Сальвы. Завороженная, с широко распахнутыми глазами, я слушала, как он играет и поет... и летела...летела вверх, у меня все звезды и облака кружились перед глазами.

- Завтра я уезжаю, малая. - вдруг прервался, и гитара жалобно застонала под длинными, умелыми пальцами, оборвал стон нежным шлепком, придавив струны.

- Куда?

- В Нью-Йорк. Отец хочет, чтобы я продолжил учебу там. Ты не грусти. Вереск, Марко здесь останется. Будет тебя развлекать.

И снова заиграл, вытягивая с хрипотцой припев....

Don't you cry tonight

I still love you baby

Don't you cry tonight

Don't you cry tonight

There's a heaven above you baby

And don't you cry tonight*2

() Don` t cry (Guns N' Roses)

С тех пор прошло четыре года. Он не звонил мне, не отвечал на сообщения в мессенджере и больше не приезжал. Я каждый день заходила на его страницу в соцсети, хотела что-то написать, но не решалась. Если сам не пишет - оно ему не

надо. А я гордая. Не надо – значит, и мне не надо.

*1 Капо – Капореджиме (от итал. caporegime – глава «команды», часто сокращается до капо) (ист. Википедия)

*2

Не плачь сегодня

Я по-прежнему люблю тебя, детка

Не плачь сегодня

Не плачь сегодня

Небеса над тобой, детка

И не плачь сегодня.

Глава 4

Сицилия. Палермо 1998 год

Неведомое что-то,

Что спрятано пока еще во тьме,

Но зародится с нынешнего бала,

Безвременно укоротит мне жизнь

Виной каких-то страшных обстоятельств.

(с) Шекспир. Ромео и Джульетта

Быть для тебя...всего лишь просто быть,

Быть твоим Раем, а, возможно, Адом,

Быть той, кого не сможешь ты забыть,

Быть в твоей жизни, большего не надо.

(с) Ульяна Соболева

Я спускалась по лестнице, придерживая пышный подол, чувствуя, как тугие длинные кудри бьют меня по спине, и, тяжело дыша, с замиранием сердца представляла себе нашу встречу с Сальваторе. Как же безумно я ждала этот день и считала дни до него, отмечая их в своем дневнике, представляя себе пряди непослушных, вьющихся черных волос, развевающихся на ветру, большие и сочные губы с травинкой между ними, чуть прищуренные глаза с золотым ободком. Сальваторе, Сальваааа... Перекатывается во рту, в гортани и жжет, как соль. Да, не сахар, а соль. Если тронуть кончиком языка, сводит скулы. Мысли о нем казались какими-то острыми, запретными, сумасшедшими, и от них дух захватывало. Есть в них что-то неправильное. Не дружба. Нет. Что-то иное. Мне оно казалось и черным, и светлым одновременно.

Когда проходила мимо кабинета отца, он как раз с кем-то вышел и повел своего гостя к запасной лестнице. Я затаилась за углом. Никогда раньше не видела, чтоб он так озирался и скрывал своих посетителей. Пошла следом, на носочках.

Любопытство один из самых губительных пороков. Ведь чем меньше знаешь – тем лучше спишь. Любимое выражение моего отца.

– Поверь, это правильный выбор, – говорил кто-то очень глухо, по-русски, как в трубу, – их давно нужно убрать. И довольно скоро.

– Это не должно исходить от меня. Если у вас что-то пойдет не так... я не при делах!

– Обижаешь, Миша. Будет подставной свидетель. Ты слишком нам нужен, чтобы терять.

– Не приезжай сюда больше!

– Если будешь прятаться от нас – приеду... Не зли наших. Не надо. Ты нам много задолжал. Скажи спасибо, что мы приходим к тебе, а не к нему... с предложением убрать тебя, Миша! За твой грешок он бы с тебя кожу скальпелем снял! И ты прекрасно это знаешь...

– Заткнись! Много себе позволяешь!

– Ровно столько, сколько могу, дорогой! Мне нужно время и место сделки! Ты теперь с нами!

Внизу хлопнула дверь. Голоса я больше не слышала, подошла к окну на лестничном пролете и посмотрела украдкой, отодвинув шторку. Отец снова оглянулся на дом, а его гость быстрым шагом шел к калитке, за которой стояла машина, спрятанная за кустами жасмина. Мне показалось, что он слегка прихрамывает на правую ногу. Пожала плечами и уже через несколько минут забыла о них. Моя голова была слишком занята совсем другими мыслями.

Наша машина ехала по серпантинной дороге мимо апельсиновых деревьев, пальм и кипарисов. В воздухе витал насыщенный запах моря и все той же соли. Скоро станет совсем жарко, и можно будет купаться. Радость тут же потухла. Если мы будем ездить на пляж с ди Мартелли, братья увидят меня в купальнике... а там...ТАМ ничего нет. Только горошинки. И рядом со своими сверстницами я – дрищ облезлый.

Но чем ближе мы приближались к роскошной вилле Мартелли, тем быстрее билось мое сердце. И предвкушение встречи вытесняло все остальное.

– Как же выросла ваша очаровательная девочка, Микеле, а эти глаза, это линзы? Ооох. Мы с Алем надеемся, что и у нас будет девочка, – жена Альфонсо гладит мой подбородок длинными пальцами и улыбается. У нее заметно выпирает «беременный» живот, и она периодически поглаживает его ладонью. А я понимаю, что она даже не помнит, что мы встречались, и она сто раз видела мои глаза. Ее взгляд тут же скользнул по моему отцу, потом она снисходительно улыбнулась матери и пошла к другим гостям, собравшимся на просторной веранде, где официанты разносили алкогольные и прохладительные напитки.

За мной никто не следил, и я быстро устала от толпы, музыки, надоедливых восклицаний: «Ох ты ж, какие глазаааа! Это не линзы? Вы красите ей волосы? Божественный оттенок!». Да, мама красит своей пятнадцатилетней дочери волосы и засовывает в глаза линзы. Хотя, чему удивляться, если популярные звезды меняют своим детям пол, то почему бы не покрасить волосы. Это такая невинная шалость. Но нет, мой отец был слишком консервативным и не разрешал мне даже обрезать косы. Я не могла носить слишком короткие юбки, открытые кофты и красить лицо. Даже сейчас он нахмурил брови, когда увидел, что я намазала губы блеском. Быть поздним и единственным выжившим ребенком не просто сложно, это все равно что быть единственным цветком, который поставили под колпак и опутали длинными цепями, чтобы не дай Бог ни один из лепестков не опал.

«Ты – мое сокровище, Юлия, ты все, что у меня есть, – говорил отец и гладил мои волосы, – я сдохну, но сделаю тебя счастливой. Поняла? По трупам пойду, но ты станешь королевой!»

И я ему верила. У меня не было ни одной причины считать иначе.

Дом Альфонсо совершенно белоснежный, утопающий в розарии и декоративных цветах, с выстреливающими в воздух поющими фонтанами, диковинными арками восхищал своей красотой и продуманностью дизайна. Но меня волновал совсем не дом... Я выискивала глазами в толпе Сальву и Марко, но их нигде не было. Они не вышли меня встречать.

Весь последний год мы не встречались. Альфонсо больше не приезжал к нам, и я не слышала, чтобы отец говорил о том, что они виделись. Я выскользнула из просторного зала, набитого гостями, и пошла в сторону сада. Когда проходила мимо беседки, услышала женские голоса.

– В какой раз она беременна?

– Не знаю. Кажется, в третий или четвертый.

– Бедная. Это невероятное горе – потерять стольких детей.

– Она не может их выносить. Единственный нормальный здесь Сальва, и то нормальный – это относительно. Учитывая, какой он псих. Марко болен с рождения...

Чем это болен Марко? Впервые слышу!

– В этот раз она доносила почти до конца срока. Может, повезет и родит.

– Может. Не родит – Аль найдёт ей замену, и так надолго задержалась.

Прошмыгнула мимо беседки в сад. Красота запредельная: бордюры из мелкого кустарника, изумрудно-зеленые, они окружают какие-то неизвестные мне растения. Повсюду лимонные аллеи, как округлые коридоры со стенами из олеандров, а сверху пестреют красные цветы, похожие на гвоздики, и повсюду запах цитруса и меда. Издалека доносится музыка... кто-то играет на гитаре, и по мере того, как я приближаюсь, этот звук пробуждает во мне такой невероятный трепет. Как же сладострастно звучала эта музыка, и мое глупое сердце превратилось в птицу и кажется готово прорвать мою грудную клетку, чтобы взлететь туда... к этому звуку, размахивая окровавленными крыльями. Ускорила шаг... прислушиваясь к голосу, слившемуся с музыкой. Узнавая и трепеща еще сильнее.

Отодвинула дрожащей рукой свисающую вниз бахрому из красных цветов и... моментально вросла в землю. Я даже услышала этот свист, с которым та самая птица летит вниз, потом падает и разбивается насмерть. Сальва сидел на высокой скамье, он играл на гитаре, а к нему льнула какая-то белокурая

девчонка, заглядывая в смуглое лицо преданными, собачьими глазами. Он поглядывал на нее своими жгучими глазами так, будто хотел ее съесть и, усмехаясь, продолжал играть. Девка гладила его шею, терлась о его спину, как кошка, а мои легкие с такой болью набирали воздух, что я задыхалась и всю эту жгучую соль ощущала теперь у себя в глазах и в горле.

Ничего подобного я никогда раньше не испытывала. Я еще не знала, что значит больно внутри, что значит задыхаться от чего-то мощного. Неуправляемого и страшного, сдавливающего клещами горло. Его голос не должен так звучать для этой драной белой кошки. Вот этими словами....

I'm giving up the ghost of love

And a shadow is cast on devotion

She is the one that I adore

Queen of my silent suffocation

Break this bittersweet spell on me

Lost in the arms of destiny*1

Сальваторе прервался и жадно поцеловал девушку, удерживая за затылок. Я судорожно сглотнула, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы и как мерзко смотреть на то, как их губы елозят и чавкают, как они целуются, засовывая друг другу в рот языки. Парень вернулся к игре, облизывая свой чувственный рот и потряхивая свисающей длинной челкой, а девка томно выдохнула и полезла рукой ему под футболку. Я не смогла сдержать вздоха разочарования, и в ту же секунду Паук вскинул голову, посмотрел прямо на меня. Золотистый ободок вокруг черной радужки видно даже издали, а пальцы отбивают мощные аккорды, зажимают гриф гитары. Челка трясется им в такт. Какой же он...красивый.

- Ты что здесь забыла, малая? Детская площадка с качелями с другой стороны! - сказал так гадко и насмешливо, что у меня в глазах зарябило от злости.

Девка тут же обернулась ко мне. Ее светлые глаза округлились вместе с распухшим от ЕГО поцелуев, ртом. Захотелось зашить его большими стежками, как в фильмах ужасов, чтоб больше никогда не могла с ним целоваться.

- Это еще кто такая? Она что за нами подглядывала?

- Хрен его знает. Видать, дочь кого-то из гостей. Эй, давай брысь отсюда.

- Подожди... а если она расскажет о нас?

- Не расскажет. Иначе я ей язык отрежу. - и продолжает на меня смотреть из-под своей челки мрачным взглядом, а уголок губ все равно чуть вздернут. - Садовыми ножницами.

- А что у нее с глазами?

- Какая разница, плевать на ее глаза, иди ко мне.

И усадил ее к себе на колени, отложив гитару в сторону.

Втянув глубоко удушливый угарный газ, вместо воздуха, я бросилась прочь, отталкивая от себя ветки кустарников, спотыкаясь бежала в сторону дома, подворачивая лодыжки, проклиная себя, идиотку, и мысленно пиная ту птицу, вонзая в нее нож и кромсая на куски так, чтоб перья летели во все стороны. Пока не добежала до дома и не согнулась, переводя дух, вытирая слезы.

*1 Я сдаюсь призраку любви,

А на преданность брошена тень.

Она единственная, кого я обожаю,

Королева моего молчаливого удушья.

Разрушь эти сладостно-горькие чары надо мной,

Вырвись из рук судьбы ...

Bittersweet (Apocalyptic) перевод

Я не знала, почему бежала и почему плакала. Он ведь не обидел меня, ничего мне не сделал, но казалось, что ту птицу колот ножом именно он. Потому что забыл обо мне.

– Вереск! Ты здесь?

Вскинула голову и увидела Марко. За время, что мы не виделись, он вырос еще больше, и казался ужасно длинным каланчой с вьющимися до плеч волосами, огромными глазами с коричневыми кругами под ними и длинным носом. Рядом с Сальвой он бы выглядел, как палка.

– Угу.

– Твой отец сказал поискать тебя в саду. Привет.

– Привет.

Отвернулась, чтоб не рассмотрел дорожки от слез на моих щеках.

– Нашла Сальву?

– Нет.

– А я тебя нашел. Пошли погуляем.

– Не хочу!

Вскочила со скамейки и быстрым шагом пошла к дому.

– Эй, ты чего?

– Ничего! Отстань от меня!

– Вереск!

– Я сказала, отстань!

Не знаю, почему я его обижала, он был совершенно не виноват в том, что у меня внутри саднили миллион заноз, но и сидеть рядом с ним и слушать его болтовню мне не хотелось.

Весь остаток вечера я провела с отцом и матерью за столом, а когда стемнело, и гости вышли на улицу смотреть на фейерверк, Марко снова увязался за мной.

– Успокоилась?

– Это опять ты?

– Что с тобой не так? Кто-то обидел?

Можно подумать, что, если бы меня кто-то обидел, этот очкарик смог бы меня защитить. Но вслух я этого не сказала. Я любила Марко. Очень. Как друга. Но иногда он был ужасным занудой.

– Со мной все прекрасно. Хочу прогуляться одна.

– Пошли, я тебе покажу поющие фонтаны, ночью они меняют цвета. Их построили совсем недавно.

– Я и без тебя могу посмотреть.

Он меня раздражал. Именно сейчас мне не хотелось ни с кем говорить. Я должна была побыть одна. Но Марко не ушел. Он плелся за мной сзади, как хвостик. А я

пробиралась все дальше и дальше вглубь сада, откуда слышались голоса, смех, музыка и дребезжало пламя от костра. Стало до боли в костях интересно, что там происходит. Там будто свое веселье, отдельное от взрослых.

- Не ходи туда. - одернул Марко.

- Чего это?

- Там Джино с Сальвой развлекаются.

- Кто такой Джино?

- Наш кузен. Он с некоторых пор живет с нами.

Я подалась вперед, не слушая Марко, всматриваясь в толпу молодежи у костра. С чьего-то смартфона орет музыка. Какой-то парень поднял бутылку шампанского вверх и взмахнул так, что из горлышка вырвался пенистый фонтан.

- Ну что? Поиграем? Правда или действие? - заорал он.

- Дааа, Джино. Поиграем.

- Давай, Патлатый, поиграем!

Голос Сальваторе заставил меня выпрямиться и бросить взгляд в его сторону. Он обнимал все ту же белобрысую девку. И занозы впились в сердце еще сильнее. Какой-то черт дернул меня тогда, и я ступила на освещенное место.

- Я тоже хочу с вами играть.

Парень с бутылкой в руках обернулся ко мне. На вид ему лет двадцать. Выглядит старше Сальваторе. Его волосы очень коротко пострижены, он накачанный, здоровый бугай.

- Это что такое?

Ткнул в мою сторону пальцем.

- Я - Джули и тоже хочу играть с вами в игру. Или здесь принимают только своих?

Брови парня поползли вверх, а потом он усмехнулся и спросил.

- Тебе сколько лет, кукла?

- Достаточно.

- А не передумаешь... вдруг тебя заставят сделать что-то плохое, принцесса?

- Не передумаю.

Джино повернулся к Мартелли младшему.

- А ты, Марко? Будешь играть?

Марко поправил пальцем очки.

- Нет...не буду.

- Тогда проваливай отсюда, - насмешливо сказал его старший брат и прижал к себе свою белую крысу, - и шмакодывку с собой прихвати.

- Вереск, идем!

- Сам иди. А я играть хочу.

Упрямо заявила и стиснула челюсти.

- Мало ли, чего ты хочешь. Вали отсюда. Песочница там, - Сальва кивнул куда-то в сторону дома, - Марко, покажи ей.

– Та ладно, Паук, пусть играет. Поразвлекаемся..., смотри, какая сладкая малышка, – Джино заржал и отхлебнул шампанское из горлышка. И когда Сальва толкнул его в грудь, от неожиданности захлебнулся и пролил шампанское на себя.

– Ты че? Охренел?

– Я сказал – она не хочет играть! Пошла отсюда, малая! Быстро!

– ХОЧУ!

Упрямо заявила и стиснула руки в кулаки.

– Ну видишь, малышка хочет. – подмигнул мне и повернулся к Пауку. – Ты чего занервничал? Или правильным стал.... Там, в Нью Йорке...

– Хлеборезку завали! Она не играет!

– Кто сказал?

– Я сказал!

– Срать я хотел на то, что ты сказал! А эта малышка никуда не пойдет!

Джино усмехнулся и протянул мне ладонь.

– Не бойся его. Со мной играть будешь.

Я нагло взяла Джино за руку и с вызовом посмотрела на Верзилу.

– Убери от нее лапы!

Сальва вдруг со всей силы ударил Джино кулаком в лицо, а меня схватил за плечо и отшвырнул в сторону с такой силой, что я упала на спину.

– Тыыыыы, – Джино ринулся на Сальву, размазывая кровь под носом.

Сальваторе выхватил нож из-за пояса и, перекинув его из руки в руку, ухмыльнулся:

– Сначала поиграй со мной!

– Паук! Ты че! Остынь!

– Она сама пришла! Успокойся!

– Сальва!

Ребята пытались его успокоить, но он передернул плечами и скинул черную косяку на землю. Джино тоже сбросил куртку. Теперь они стояли друг напротив друга злые, набыченные, и мне стало страшно... Нет, не за Сальву...а за Джино. Потому что я увидела жуткий взгляд Паука исподлобья. Там жила смерть. Пряталась в черноте за золотой каймой.

– До первой крови, – зарычал Сальва.

– До первой крови! Твоей! И она будет играть!

– Не будет! Скорее ты сдохнешь!

Глава 5

Сицилия. Палермо 1998 год

Как сразу, несмотря на слепоту,

Находит уязвимую пятю!

(с) Шекспир. Ромео и Джульетта

От бессилия ломались крылья,

Разбивались надежды, мечты,

Но я верила очень сильно

Где-то есть в этом мире Ты.

(с) Ульяна Соболева

– Остановиииись!

Закричал Марко и бросился на спину Сальваторе, не давая вонзить нож в Джино. Но старший брат его с легкостью отшвырнул. Окровавленный, весь в кровоподтёках после изнурительной и безжалостной драки, сжимающий рукоять сбитыми пальцами, он сидел сверху на Джино, придавив его к земле и дрожа от напряжения, пытался перебороть сопротивление кузена. Кончик ножа дергался у самого горла Джино.

– Ты...в моем доме... И если я, Паук, сказал, что она не станет играть – значит так и будет. Понял? Повтори, мразь!

– Да...пошел ты!

– Повтори, или я уши тебе отрежу!

– Попробуй!

Напрасно он злил Сальву, напрасно дергал перед ним красной тряпкой. Мне вдруг стало невыносимо страшно, что Паук так и сделает – отрежет ему ухо. Из-за меня.

– Не надооо. Не режь его. Я не стану играть. Не стану. – повисла на руке Сальвы, от неожиданности он обернулся и прочесал лезвием по моему плечу. Тут же его глаза расширились, округлились, и нож выпал на землю. Было больно, и меня тут же затошнило от вида собственной крови. Хлынув по лиловому рукаву вниз к ладони, она закапала в траву.

– Придурооок! Ты ее зарезал? Тыыыы!

– Заткниись, бл*! Все заткнулись!

Голос Марко оглушительно зазвенел в ушах, но мне было наплевать на него, у меня сильно кружилась голова, а Сальваторе подхватил меня и быстро понес в сторону дома. Какие сильные у него руки, как гулко бьется сердце в груди, и сквозь густую вату я слышу, как он шепчет по-итальянски:

– Сейчас, Вереск, сейчас. Все хорошо будет... сейчас, маленькая. Я нечаяннооо.... Бл***... я не хотел... слышишь, малая, я не хотел!

И в волосы мои ладонью зарывается, прижимая мою голову к своей груди. Бежит со мной, торопится... а мне хочется, чтоб не торопился, чтоб вот так у него на груди лежать бесконечно.

Занес меня в дом, взбежал со мной по лестнице... а мне было так хорошо, я ужасно хотела, чтоб это не прекращалось, но Сальваторе положил меня на постель, приглаживая мои волосы, обхватывая ладонями щеки.

– Сейчас рану посмотрят... слышишь, Вереск? Ты только не умирай, ладно?

И в черных радужках больше нет колючей злости, нет глубокой и безнадежной бездны. Там страх и отчаяние. Ему страшно. За меня. В комнату набились люди. Все охали и ахали. Ко мне тут же подбежала мама. Бледная от испуга, ее губы дрожали, и она металась возле постели, пока ждали врача.

– Все хорошо... мам, все хорошо. – шептала я и сжимала ее руку. – Это просто царапина. Ничего серьезного. Правда.

Потом приехал врач. Он осматривал мое плечо при Альфонсо, Сальве, его мачехе и Марко, при моих родителях. Это было больно и очень неприятно. У врача оказались очень холодные руки. Когда он прикасался, меня подбрасывало, как от удара током.

- Что произошло? Кто нанес тебе этот порез? - спрашивал отец, пока врач дезинфицировал порез, и я старалась терпеть и не ойкать, чтобы не сводить маму с ума еще больше.

- Никто. Я упала на стекло.

И встретила с горящим взглядом Сальваторе. Он стиснул челюсти так, что я увидела играющие на скулах желваки.

- Такое ровное стекло, что вспорол тебе плечо до кости?

- Не знаю. Я его не рассматривала.

- Надо отвезти ее в больницу и зашить рану. - сказал доктор. - Но там начнут задавать лишние вопросы, притащат полицейских. А здесь у меня нет с собой анестезии. И шить придется наживую. Так что решать вам - или больница, или здесь.

- Не надо полицейских, - вскрикнула я и подскочила на постели. Они могут узнать, что это сделал Сальва, и посадят его в тюрьму. Наивная... я еще не знала, что даже если бы он убил меня, никто б его не посадил. Таким, как Мартелли, можно все. Мама тут же аккуратно положила меня обратно на подушки.

- Тише, милая. Не надо переживать. Мы просто поедem, чтоб тебе зашили рану и дали обезболивающего.

- Мне не больно. Зашивайте здесь. Я потерплю!

Отец бросил взгляд на Альфонсо. Тот стоял, как изваяние, с такими же сжатыми челюстями, как и у Сальвы. На старшего сына не смотрел. Он вообще никуда не смотрел и от этого казался еще ужаснее.

– Зашивайте здесь.

– Дайте ей вина или снотворного. Будет в задурманенном состоянии, и спокойно зашьем.

Когда меня зашивали, я чувствовала головокружение и покалывание во всем теле. Боль была где-то вдалеке, но моментами приближалась и вспарывала мне нервы. А я сильно раскрывала глаза и стонала. Чувствовала руки мамы, как они гладят мне голову, как ласкают и убаюкивают.

– Еще немного... совсем чуть-чуть, моя малышка. Скажи мне... кто это сделал?

– Я сама..., – едва произнося слова и теряя ее лицо в пьяном тумане.

– Неправда... Это кто-то из детей Альфонсо? Не бойся. Мы сумеем тебя защитить. Скажи маме... скажи мне. Их надо наказать!

– Нет! Я сама! Я же сказала!

– Хорошо...хорошо. Ты только не нервничай.

Врач закончил зашивать, меня накрыли белоснежным, хрустящим одеялом и оставили одну. Посетителей ко мне не пустили. Я лежала в темноте, пока там внизу шумели гости, звенели бокалы. Рука ныла и саднила... И я постоянно видела перед глазами лицо Сальваторе с этим удивленным взглядом, когда лезвие вспороло мне кожу. Он смотрел на меня с таким неподдельным ужасом, с такой болью и сожалением.

А потом стало грустно и даже обидно. Они там все веселятся, играют в свои дурацкие игры, а я здесь одна валяюсь. И он... наверное, со своей мымрой белой сидит в обнимочку. Хотела отвернуться к стене, дернула пораненной рукой, и от боли с обидой слезы на глаза навернулись... а где-то вдалеке застонала гитарная струна. Один аккорд, потом другой. За самым окном. Открыла один глаз, потом другой. Уставилась в темноту.

Красиво плачет гитара. Переливисто, нежно. Никогда эту мелодию не слышала... Дышать становилось все сложнее. Как будто там, под кожей мое сердце начало сходить с ума и биться, как ненормальное. Вскочила с кровати и к окну бросилась, прижалась лицом... А он на ветке акации сидит и брынчит по струнам, поглядывая на мое окно. Сумасшедший, он же может упасть. На меня поглядывает, у грифа зажимает струны, трясет в такт головой. И я стою, распластав по стеклу ладонь. Заворожено слушаю музыку... которую он играет для меня. Вернулась в постель, положила голову на подушку и уснула. Сквозь сон мне казалось, я продолжаю слышать, как он поет мне....

Меня разбудил шум внизу. Превозмогая боль, я выбралась из постели, чтобы посмотреть в окно, и чуть не заорала от ужаса.

Сальву пороли. Привязали к дереву, и сам дон Альфонсо наносил удары по голой спине своего сына. Поднимал руку и опускал длинный хлыст на тут же вздувающуюся кожу. Никто из родственников и гостей и слова не сказали, они стояли там внизу и смотрели. Я забыла о своем плече. Я больше его не чувствовала. Выскочила на улицу босиком, но подбежать к хозяину белоснежного дома и вцепиться ему в руку не дал отец, он перехватил меня и придавил к себе.

- Отпусти, - зашипела я, но он и не подумал разжать руки. - Это жестоко! Это ненормально! Останови его!

- Нет! Он отец, и только он решает, как наказать своего сына! А ты, - он посмотрел на меня прищурившись и просверливая во мне дырку, - ты там была, да?

- Где?

- Видела, как Сальва избил Джино? Как сломал ему все пальцы?

Боже! Когда он успел ему еще и пальцы сломать?

- Нет! Я ничего не видела!

- Лжешь! Видела! Это Сальва тебя ножом полоснул!

- Нет!

- За ложь и я тебя выпорю, Юлия! Не смей врать отцу!

Тяжело дыша, я смотрела на него. Впервые он был в такой ярости. Меня никогда не били, но я вдруг поверила, что отец может это сделать, и отшатнулась от него назад.

- Выпори! У тебя теперь есть пример, как это делать!

- Молчи! - выпучив на меня глаза.

- Не буду!

Вырвалась из отцовских рук и бежала куда глаза глядят, на задний двор, куда угодно, лишь бы не слышать и не видеть, как старый Альфонсо бьет своего сына. Я свалилась на стог сена и рыдала там от бессилия. Пока не пришел Марко. Добрый и застенчивый Марко. Он принес мне воды и кофту, которую передала моя мама.

- Так у нас положено. За провинность десять плетей. Ничего. Он привык. Не впервой получает.

- Какую провинность? Драку с Джино?

- За твое плечо... Твоя мать устроила скандал и истерику...

Я резко подняла заплаканное лицо.

- Кто сказал, что это Сальва? - Марко отвернулся в сторону, и я толкнула его изо всех сил.

- Ты? Ты сказал?

– Нет. Он сам.

– Зачем?

– Иначе там бы стояла ты.

Я его не понимала. А я здесь при чем?

– Ты! За то, что лжешь и не выдаешь виновного! У отца такие правила! Он бы заставил тебя говорить!

Парень выдрал травинку из стога сена и так же, как его старший брат, сунул ее в рот.

– Мой бы отец ему не позволил!

– Думаешь?

Прищурился и посмотрел на меня.

– Твой отец ходит под капо, а капо – это Альфонсо ди Мартелли. Никто не может ему противоречить. Он – Бог и судья в семье.

– Капо?

– Маленькая еще... когда-нибудь поймешь. У нас свои законы, а твой отец – один из нас.

– Нас?

Марко встал с сена и подал мне руку.

– Пошли в дом, скоро будет обед, а потом скачки. Праздник продолжается.

Сказал как-то мрачно, и я ужаснулась этим порядкам и правилам. После всего, что произошло, у них продолжается праздник. Джино избит, со сломанными

пальцами, я с порезом на руке, а Сальву хлестали, как животное.

За обедом было уже не так много гостей. Остались лишь избранные. Я искала взглядом Сальваторе, но его за столом не было.

- Отец наказал его. Сутки без еды и воды.

Когда мужчины ушли, а рядом остались одни женщины, увлеченно обсуждающие какие-то сплетни и беременность Марии. Я стащила со стола кусок буччеллато, завернула в салфетки и сунула в карман джинсового сарафана. Обычно этот национальный пирог готовят на сочельник, но у дона Альфонсо рождество тогда, когда он этого захотел.

Оставалось только принести свои трофеи Сальве... а найти его в этом доме все равно что иголку в стог сена, и я придавила к стене Марко, который не собирался мне признаваться, где держат его старшего брата.

- К нему нельзя!

- Бред. Скажи, где он, и сама схожу раз ты такой трус.

- Я не трус, - серьезно заявил Марко и протер очки белой рубашкой.

- Самый настоящий. И черт с тобой, сама найду.

- Не найдешь! - упрямо заявил Марко.

- Так покажи!

- Не могу!

- Ну и иди к черту!

Около часа я обыскивала весь двор. Осмотрела все, кроме самого дальнего места за беседкой у ограды. Где росли дикие акации и жасмин. Я пробралась к задней стороне дома, к большой летней беседке. Там собрались все мужчины. В

широком плетеном кресле сидел дон Альфонсо и курил сигару, рядом с ним стоял его брат Лоренцо, кузен Диего, мой отец, дядя и еще несколько мужчин, которых я не знала. Я затаилась за кустами дикой розы, пытаюсь пробраться незамеченной. До меня отчетливо доносился голос Альфонсо:

- Их надо проучить. Убить всех, кто приедет на эту встречу, а самому главному отрезать язык и отправить его вдове.

- Копов будет слишком много. Это национальный праздник.

- Порка должна быть показательной, но неожиданной. Этот сукин сын должен сдохнуть на глазах у всех.... вместе с копами.

Я судорожно сглотнула, и кто-то вдруг накрыл мне рот ладонью. Марко. Он потащил меня в сторону домиков для прислуги.

- Это что...это...

- Не знаю. Может, игры такие.

- Игры?

- Да. Квест там какой-то или...

Все он прекрасно знал. Это я ничего не знала. Это я жила в своем розовом мире, где добро побеждает зло, а парень, который любит животных, не может стать серийным маньяком. А ведь все очень просто... кто сказал, что серийные маньяки не любят животных?

- Где он?

- Здесь. У ограды.

Марко привел меня к яме, выкопанной под самым забором. Я глянула вниз и тихо вскрикнула, увидев там Сальваторе в окровавленной рубашке.

- Пришла посмотреть – не сдох ли я, малая? К краю не подходи, а то труселя твои увижу.

Крикнул Сальва снизу, усмехаясь своей самодовольной ухмылочкой.

- Придурок! Я в шортах!

- Вылезу уши надеру! За придурка!

- Ты вылезти сначала, верзила! На вот! Сил наберись!

Швырнула ему в яму кусок пирога, завернутый в салфетки и в полиэтиленовый пакет.

- Мммм, буччеллато. Люблю.

- Пошли! Кто-то идет!

- Верзилааа, – крикнула, но Марко потянул меня снова в сторону, – я ночью приду!

- Та ладно, а от страха в трусишки не наделаешь?

- Сдались тебе мои трусы!

- Беспokoюсь о тебе, малая! Я заботливый!

- Идем! Я же сказал, что он в порядке!

Марко утянул меня за кусты, и мы укрылись в высокой траве, когда мимо ямы прошел Альфонсо со своей делегацией.

Сицилия. Палермо 1998 год

Да, мой убийца, я тебя люблю!

Люблю до дикости, до ран, до униженья,

До одержимости, отчаянно, порочно

и до безумного по лезвию скольжения,

Когда порезы счастьем кровоточат.

От ревности, захлебываясь болью,

Ты режешь наши души на куски,

Со мною рядом истекаешь кровью,

А без меня подохнешь от тоски.

© Ульяна Соболева

Они не расходились спать и, как назло, допоздна сидели за столом уже на улице в беседке. Прямо под разноцветной гирляндой играли музыканты, и пел какой-то худосочный, хвостатый певец, завывая на луну. Его голос перебудил собак на псарне, и они перекликались с ним после каждой рулады. Мужчины играли в карты, а женщины обсуждали новую коллекцию от Армани. Мне это было неинтересно, и я со скучающим видом думала только об одном, как отсюда смыться и отнести Сальве фрукты и сок. Я даже умудрилась спрятать в карман платья несколько яблок, банан и печенье.

- Как там тебя называл Марко, Гладиолус... Эй...

Обернулась и увидела ту самую белобрысую. Она сидела напротив меня и ковыряла вилкой в пустой тарелке. Рядом еще две подружки. Поглядывают то на меня, то на нее.

- Джули.

- Нет. Тебя называли, как какое-то дурацкое растение.

Подружки хохотнули, а я осторожно положила вилку возле тарелки.

- Не думала, что деменция наступает уже в столь юном возрасте.

- О чем ты, малявка?

- Склероз. Нужно непременно обратиться к врачу.

- Ты что там бормочешь себе под нос?

Она начинала злиться, и ее кукольное лицо приобретало хищно-уродливые черты.

- Еще и плохой слух. Что будет лет через пять?

Я пожала плечами, а она подалась вперед и прошипела.

- Ты - мелкая, уродливая дрянь. Не лезь к Пауку, ясно? Он мой! Еще раз тебя возле него увижу, обломаю твои тонкие ручки и ножки.

Она не успела договорить, я толкнула в ее сторону стакан с гранатовым соком, и он аккурат вылился ей на подол белого платья между ног. Она вскочила из-за стола.

- Упс...какая неожиданность. Ты прокладки не забыла?

- Тыыыы!

На нас все обернулись, и девка бросилась в сторону дома, но я успела поставить ей подножку. Она прокатилась на животе по траве, и в добавок к красному пятну появились зеленые разводы.

- Мэрион, дочка... что случилось? - закудахтала вокруг нее тучная женщина в немислимом красном наряде.

- Не трогай меня... отстань! - грубо оттолкнула ее блондинка, вставая с колен. - Она облила меня, а потом толкнула! Уберите отсюда эту психопадочную!

- Юлия! - грозно прикрикнул отец.

За девкой бросились ее подружки и мать.

- Немедленно встань из-за стола и иди в свою комнату! Сейчас же!

Это то, что мне и было нужно.

- С удовольствием!

Я прокралась к ограде, когда веселье было в самом разгаре. Притащила пакет с фруктами, прихватив также перекись, вату и замораживающий крем, который притащил для меня из аптечки Марко. Сам он со мной не пошел. Сказал, что по вечерам всегда проверяют в постели он или нет. Трус. Я же сказала.

- Эй, Верзила, скучаешь?

Парень задрал голову и улыбнулся.

- Та нет. Это охрененно веселое место.

- На. Лови ужин.

Швырнула ему вниз пакет.

- А теперь меня лови.

- Э неет, малая. Так не пойдет. Тебе здесь нечего делать. Давай, чеши в свою комнату.

- Ты чего раскомандовался? Я спину тебе намажу.

Улыбка пропала. Я нахмурилась, глядя на бледное лицо и темные, почти черные глаза, которые сухо блестели в полумраке.

- Я видела, как тебя били... твой отец, он... не должен был так. Это неправильно и.... мне жаль, что он так с тобой поступил из-за меня.

По мере того, как я говорила, у него кулаки сжимались, а на лице появлялась отталкивающая гримаса.

- Вон пошла, я сказал!

Уже грозно, сцепив зубы.

- Не хер меня жалеть! Засунь свою жалость себе в задницу и чеши отсюда!

Я приподнялась с земли, отступила назад, но вместо того, чтобы уйти, прыгнула к нему в яму.... И он поймал. Подхватил на лету, сдавил огромными руками.

- Дурааа! Ну ты и дура, Вереск!

- А ты грубый и злобный Верзила! Отпусти - задавишь!

Огромные лапы осторожно поставили меня на землю.

- Поворачивайся и снимай свою рубашку.

Смотрит мне в глаза, стиснув челюсти, а я ему. И никто взгляд не отводит.

- И не думаю тебя жалеть. Понял? Даже дуть не стану! Пусть щиплет! Буду наслаждаться твоими стонами боли.

Ухмыльнулся косо, а во взгляде вызов.

- Нужно очень постараться, чтобы сделать мне больно, малая.

- Я постараюсь.

Повернулся ко мне спиной и спустил вниз рубашку. Тусклый свет фонаря, который стоял от нас в нескольких метрах, осветил вздувшиеся рубцы, а рядом с ними и старые шрамы. Внутри у меня у самой защипало. Так, как будто это мне на открытые раны плеснули спиртом.

Сколько раз его вот так били... не счесть. Альфонсо - изверг проклятый! Если б он был сейчас рядом, я бы точно вылила ему в лицо склянку с дезинфицирующим раствором.

- Ты чего там? Засмотрелась, что ли?

А у меня слезы на глаза навернулись. Сколько боли он перенес. От родного человека. Неожиданно для себя протянула руку, чтобы тронуть шрам.

- Чего застыла, малая? Ты вроде обещала мне больно сделать, или кишка тонка? Пожалела, да?

- Пусть твоя кошка белобрысая тебя жалеет!

Я тут же одернула ладонь. Еще чего, жалеть его. Особенно после того, как зажимался со своей мерзкой Мэрион. Налила на ватку спирт и прижала к открытым рубцам. Кулаки Сальвы сжались, но он не издал ни звука, а я не удержалась и подула. Сильно-сильно.

- Смотри не надуйся, как шарик, и не улети, малая. Там я тебя хрен поймаю.

И засмеялся, и я вместе с ним.

- Не улечу. А ты не дергайся.

Смазала все раны, обработала обезболивающим гелем и подняла вверх рубашку.

- А теперь давай залазь ко мне на плечи и топай отсюда, пока тебя здесь не нашли.

- Вот и потопаю. Верзила неблагодарный.

В глаза мне посмотрел.

- А за что благодарить? Запомни, малая, никогда не делай то, о чем тебя не просят, и не жди того, чего не обещают... А вообще, не жди даже, когда дали клятву. И в жизни меньше болеть будет, ясно?

- А ты теперь жизненные советы раздаешь? Гуру заделался?

- Что ж ты языкатая такая?! Бессмертная, что ли? К Джино, дура, полезла!

- Ничего, ты ж заступился!

- Просто Джино выбесил. А так играла бы со всеми и пошла навоз лошадиный есть. Я б только поржал. Так, все. Давай. Тебе пора. На плечи ко мне залазь, я подсажу, и вылазь отсюда.

А вот он причинил мне боль. Я даже скривилась. Значит, не за меня заступился, а Джино его взбесил, потому что выступил против. Посмел перечить самому Мартелли. Гад он, этот Сальва. Паук мерзкий.

- Еще чего? На плечи не полезу.

- Лезь сказал. По-другому ты, шмакодявка, туда не достанешь.

- Я не шмакодявка! Я уже выросла!

- Ага! На один сантиметр?

Посадил меня к себе на плечи, взялся за стену ямы.

- Вставай на ноги и пытайся подтянуться.

- А ты вверх не смотри!

Забралась к нему на плечи ступнями, но до края ямы достать не могу. Он выше от меня на голову. Этот проклятый край.

- Та ладно. Я уже видел твои труселя. Белые в горошек.

- А вот и нет. Они в цветочек... Черт!

- Дуууураааа, вот ты дура!

И ржет, сволочь. Пошатнулась, упала обратно в яму, соскользнув вниз.

- Что такое, малая? Не доросла? Я ж говорил, что ты шмакодявка! Могу попытаться зашвырнуть наружу, как мяч. Как думаешь? Долетишь?

- Что здесь смешного?! Придуроок!

- Зато я теперь знаю, что ты носишь трусы в цветочек!

Набросилась на него с кулаками. Но они о мощную грудь бьются, и больно мне, а не ему.

- Думаешь, ты самый крутой? Ни хрена! Был бы умнее, как Марко, молчал бы и не получил хлыстом от отца! Это потому, что ты придуроок!

- Рот закрыла!

- Сам заткнись!

Сальва вдруг схватил меня за порезанное плечо и дернул к себе, от боли слезы из глаз полились. Его лицо тут же изменилось. Мгновенно. Исчезло это выражение презрительного цинизма, и брови вверх приподнялись, глаза округлились.

- Что такое, малая? Больно? Прости...где? Там, где порез?

- Не трогай меня! Не прикасайся!

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.me/ru/soboleva_ul-yana/o-kom-plachet-veresk

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)